

4. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления. — М. : Республика, 1993. — С. 204-220.
5. Витгенштейн, Л. Культура и ценность / Л. Витгенштейн // Философские работы. Часть I. — М. : Гнозис, 1994. — С. 407-492.
6. Делёз Ж. Гваттари Ф. Что такое философия? — М. : Академический Проект, 2009. — 261 с.
7. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по истории философии: В 3 т. Т.1 / Г. В. Ф. Гегель. — СПб. : Наука, 1993. — 350 с.
8. Гегель, Г. В. Ф. О преподавании философии в гимназиях / Г. В. Ф. Гегель // Работы разных лет: В 2 т. Т. 1. — М. : Мысль, 1970. — С. 563-574.
9. Шеллинг, Ф. В. Й. Философские письма о догматизме и критицизме / Ф. В. Й. Шеллинг // Сочинения: В 2 т. Т. 1. — М. : Мысль, 1987. — С. 39-88.
10. Ортега-и-Гассет, Х. Возникновение философии... / Х. Ортега-и-Гассет // Что такое философия? — М. : Наука, 1991. — С. 210-290.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РОССИИ КАК ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА, «ДУХОВНЫЕ СКРЕПЫ» И ВОЗМОЖНОСТИ НОВОГО ГУМАНИТАРНОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Некрасов С.Н.,

*Уральский федеральный университет имени первого
Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург*

Ключевые слова: гуманитарное образование, модернизация, неоиндустриализм

Если мы хотим понять свой социум, его место в мире, то нам нужна наука и научная культура, методологически и понятийно адекватная нашему социуму, а не вталкивающая его в прокрустово ложе западных модернизационных или восточных традиционалистских схем. Также нужно своё обществоведение, а точнее — социальные системологии повседневности для каждой крупной исторической системы. В перспективе для каждой системы должны быть созданы свой понятийный аппарат, свой набор дисциплин, свой язык. Так, как показывает А.А. Зиновьев, социология и политическая наука могут быть лишь элементами науки о буржуазном обществе (буржуазоведение, буржуалогия, капиталоведение), которая, в свою очередь, не может быть ничем иным, как элементом оксидентализма — науки о Западе. Именно поэтому книги А.А. Зиновьева о Западе как неангажированный взгляд на западную повседневность извне как на «западнизм» востребованы именно на Западе, несмотря на их шокирующие названия и неологизмы автора: «Глобальное сверхобщество», «Глобальный человек», «Западнизм», «западоиды». Известно, что Запад не удовлетворился образом «азиатский способ производства» и создал ориентализм — науку как форму власти-знания о Востоке, но не создал таковой науки о самом себе. Остро стоит перед нами необходимость создать реальную социальную науку, как это делал Запад в эпоху становления модерна и как это в своё время сделал К. Маркс в «Капитале».

Научная культура и создание новой картины мира станет главным условием победы в битвах XXI в. за будущее. Сегодня заканчивается не только эпоха Просвещения с её универсалистскими гуманистическими ценностями и западными гуманитарными технологиями, уже породившими проект архаичного фашизма. Вместе с эпохой Просвещения исчезают модерн, капитализм, сам библейский толпо-элитарный проект, который был средством управления массами людей в течение двух тысяч лет.

Очевидно, что в традиционных обществах интерактивные формы и инновационные технологии не нужны ни при изучении научного коммунизма или бахаизма, ни маоизма и дао-

сизма, ни чучхе и евразийства, — список можно продолжить. Все перечисленные идеологии уникальны, ибо не являются классическими религиями и консолидируют традиционное общество именно как идеологии и соответствующие им «духовные скрепы». В западной цивилизации идеологии сформировались поздно, по сути в XIX в., и на базе крушения космоцентрических религиозных конструкций, то есть при модернизации общества. Из обилия философских школ древних греков не возникла единая идеология, но родилось христианство, преодоленное в культуре постмодерна через два тысячелетия западными светскими идеологиями.

Понятно, что инновационные технологии и интерактивные формы востребованы в первую очередь при переходе сознания к рыночной рациональности, которая выступает одной из множества возможных интерпретаций мотивов поведения индивидов. И когда российские чиновники от образования пытаются представить всю образовательную систему как «рыночную услугу», они при помощи новых форм обучения строят в нашей стране чисто западный образ человека — Homo Economicus. В этой модели поведения человека, поступающего в вуз на основе баллов и тестов ЕГЭ, вступают в работу целый сонм формальных и неформальных правил поведения, контрактные соглашения, традиции, которые невозможно свести к индивидуальной рациональности и стратегиям оптимизации. В результате возникает проблема трансляции интерпретаций рациональности одного типа в другой: классический пример из нашей новейшей истории — повседневное столкновение рациональности «организационного» советского и «экономического» западного человека. Данная ситуация отражает взаимоотношения между так называемыми мирами в современном глобальном мире. Всего выделяется семь таких миров, или институциональных подсистем: рыночный мир, индустриальный мир, традиционный мир, гражданский мир, мир общественного мнения, экологический мир, мир вдохновения и творческой деятельности. Каждый из них может быть классифицирован по особому источнику информации. В евразийской цивилизации эти миры перемешаны, причём лидируют не рыночные ценности [1].

Некрасов С.Н. Повседневность России как традиционного общества...

Очевидно, что следует исходить из представления о том, что каждый индивид, являющийся объектом приложения образовательной технологии, способен или не способен действовать в рамках нескольких институциональных подсистем, каждая из которых имеет свой язык и свои правила коммуникации. Поскольку в постсоветской России в качестве универсальной гуманитарной технологии последние 20 лет внедряют только одну систему западного рыночного мира, неудивителен конфликт между ценностными системами в жизни и сознании людей. Так, преподаваемые сегодня в вузах науки об обществе — будь то политическая экономия (экономика как дисциплина и «Экономикс» как практическое манипулятивное приложение), социология, политическая наука или иные дисциплины — возникли как средство понимания реальности в интересах определённых групп и навязывания этого понимания другим группам. Они возникли как единая гуманитарная технология, с помощью которой господствующие в XIX-XX вв. группы могли бы объяснять мир и подавлять все остальные точки зрения как альтернативные. Социальные науки западного образца эпохи модерна как гуманитарные технологии власти в их англосаксонском виде, закреплённом в мозаичной структуре УМКД третьего поколения, возникали благодаря практическим нуждам: необходимости анализа рынка, создания новых институтов, потребности объяснять и контролировать негативные процессы.

Западная наука об обществе с её методами, понятийным аппаратом и «сеткой» дисциплин отражает такой шизофренический тип общества (Ж. Делез), в котором чётко обособлены экономическая (рынок), социальная (гражданское общество) и политическая (политика, государство) сферы. Это индустриальное общество «второй волны» (О. Тоффлер), в котором власть отделена от собственности, религия - от политики. Естественно возникает вопрос: как можно с помощью такой науки — слепка с классического буржуазного общества — с её мультикультуральными дисциплинами, методами и понятиями изучать не буржуазные, не капиталистические (докапиталистические, антикапиталистические, социалистические) социумы? Речь идёт в первую очередь о евразийских социумах,

где власть не отделилась от собственности, где есть некая целостность. В таких обществах в XX в. развивались собственные науки, которые довольно успешно обеспечивали динамику и конкурентоспособность этих обществ. Так, в Советском Союзе развивались оправдавшие себя в управлении массами культурно-идеологические конструкции: диалектический и исторический материализм, научный коммунизм и научный атеизм; в Третьем рейхе развивались учения Горбингера и продукция Анненербе, а в начале XXI в. в Северной Корее торжествует неконсюмеристская идеология чучхе, в КНР — технологии маоизма, в Венесуэле — идеи просвещённого бוליваризма, в Чили вернулись к власти сторонники С. Альенде и идеи обновлённого социализма. Все эти технологии носят мессианский народный характер и имеют глубокие научные корни.

Западная наука нашего времени как идеология модернизации отсталых обществ и технология формирования постиндустриального общества не пригодна для понимания мира и жизни в становящихся и живых евразийских социумах, в которых рынок интегрирован в традиционные структуры производства и обмена, а потому его развитие не требует выделения из них и превращения в капитализм. Между тем официальная наука только из вежливости не использует термин «капитализм», но, говоря о рыночной экономике, всё же подразумевает капитализм западного типа. В этих условиях применение понятий и даже дисциплин, которые суть рациональные рефлексии по поводу буржуазного общества, к обществам не буржуазным искажает реальность последних, превращает их в негативный слепок западного общества, записывает в разряд туземных варварских обществ, пополняя список держав «оси зла». В научном плане это ведёт к ложным схемам, а с точки зрения практики может привести и приводит к катастрофическим последствиям вроде подписания договора ЕС как цивилизованного сообщества и объявленной недоразвитой («развивающейся») Украины. Аналогичным образом в нашей недавней трагической истории перестройки и ельцинского режима обстояло дело с наложением дисциплинарной и понятийной (идеология, мифология, класс, бюрократия) сеток

Некрасов С.Н. Повседневность России как традиционного общества...

западной науки на советское общество. В результате уже в 1970-х гг. в ходе утраты культурного суверенитета мы в СССР получили ряд странных бесперспективных и неспособных к развитию наук-мутантов: «политэкономия социализма», «социологию советского общества», «политологию советской элиты». По ту сторону «железного занавеса» нас изучали не при помощи этих наук и не в терминах западной академической социологии, но при помощи практических гуманитарных технологий советологии, кремленологии, руморологии. Именно поэтому генералами-победителями в войне с СССР 1946-1992 гг. были объявлены социологи и советологи. Генералами-победителями в этой войне с СССР, как отмечалось на торжественном заседании Конгресса США в 1992 г., были именно женщины-социологи, советологи, и именно они после парада Победы в Вашингтоне были награждены постами и медалями за победу в этой войне.

Нам в системе науки и высшего образования нужны принципиально новые науки о России, Западе и других социальных системах, а также научная переходная евразийская интегральная гуманитарная дисциплина, делающая универсальными эти науки. Именно они на самом деле нуждаются в эпоху отечественного неоиндустриализма в инновационных технологиях и формах обучения. Такое оружие политической элите России понадобилось уже в 2012-2013 гг. при сохранении стабильности страны, когда возникла необходимость обретения полноты политического, военного, дипломатического, экономического, культурного суверенитета России. Научная культура и создание новой картины мира станет главным условием победы в битвах XXI в. за общее посткапиталистическое будущее человечества.

Литература

1. Олейник А. Институциональная экономика: учебно-методическое пособие // Вопросы экономики. 1999. № 1-12.